

Андрейчук С.В.

Аспирант, кафедра «Реклама и культурология»,
Алтайский государственный технический университет им. И.И. Позунова

ВОЕННОПЛЕННЫЕ И ССЫЛЬНЫЕ В РОССИЙСКОЙ АРМИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – НАЧАЛА XIX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ СИБИРИ)

Аннотация

Статья посвящена малоизученному вопросу комплектования войск, дислоцированных в Сибири во второй половине XVIII – начале XIX вв., военнопленными и ссыльными. Анализируются причины относительной лояльности указанного контингента военнослужащих своему командованию. Статья представляет интерес для исследователей, занимающихся изучением истории российской армии, Сибири, ссылки.

Ключевые слова: российская армия, Сибирь, военнопленные, ссыльные.

Keywords: Russian Army, Siberia, captives, exiles.

Вопросы комплектования и снабжения войск являются ключевыми для обеспечения их боеспособности. На протяжении почти всего XVIII столетия из-за неустойчивого финансового положения государства и плохого управления российская армия испытывала огромные трудности с комплектованием полков военными чинами, лошадьми, со снабжением провиантом, оружием и финансированием. Эта проблема еще более обострялась в условиях Сибири – региона с большой территорией, протяженной границей и чрезвычайно низкой плотностью населения.

В XVII в. солдат для сибирских гарнизонов набирали во всех русских городах. При этом, чтобы привлечь их на службу в Сибирь размеры жалования были установлены значительно выше среднероссийских [1,214]. Указом Петра I от 20 февраля 1705 г. была введена единая система комплектования регулярной армии и флота – рекрутская повинность. Основная тяжесть по укомплектованию легла на крепостных и государственных крестьян [2,81].

Однако в Сибири на протяжении всего рассматриваемого периода правительство пыталось найти баланс между необходимостью комплектовать военные команды и проведением хозяйственной колонизации региона. Из-за малочисленности губернии было невозможно укомплектовывать войска исключительно местными жителями. Кроме того, серьезной проблемой было снабжение воинских команд провиантом и фуражом. Поэтому важнейшей задачей являлось увеличение числа пахотного населения, из-за чего рекруты для сибирских полков значительную часть второй половины XVIII в. набирались «внутри России» [3,17]. Главным недостатком этой системы являлось то, что рекрутский набор занимал много времени. Еще дольше новобранцы добирались к своим отдаленным полкам. Иногда на это уходило до 2 лет. Много рекрутов гибло по дороге [4,151]. Например, в 1756 г. к отдаче в рекруты было приговорено 43 088 человек, сдано приемщикам – 41 374, отправлено в полки – 37 675, прибыло в состав Российской армии – 23 571 человек [5,75].

Для укомплектования сибирских войск центральное правительство было вынуждено искать альтернативные источники комплектования. Одним из основных источников стали военнопленные и ссыльные. Отметим, что комплектование полков военнопленными не было исключительно российской особенностью. В начале XIX в. австрийскими военнопленными был укомплектован французский 2-батальонный полк «Тур д'Овернь», прусскими военнопленными – полк «д'Изембур». Немцы непрусского происхождения, захваченные в плен французской армией, вербовались в армию Вестфалии. Неаполитанское королевство укомплектовало 7-й Королевский африканский полк

гаитянскими военнопленными, а также увеличило число солдат за счет заключенных местных тюрем [6,40,275,361].

Пленные стали зачисляться в русскую армию, по крайней мере, со времен Ивана Грозного. Так, в период Ливонской войны (1558 – 1583 гг.) часть пленных была «зачислена в строй» и отправлена в восточные гарнизоны [7,31]. По мнению В.И. Петрова, служилый контингент Сибири пополнялся пленными (как правило, поляками) с начала XVII в. [8,27] В 1764 г. из Великого княжества Литовского в Сибирь насильно переселили множество мелкой шляхты и крестьян. Их включали в состав Сибирского войска [9,14]. Следующий поток пленных иностранцев пришел на пополнение сибирских войск после разгрома Барской конфедерации (1768 – 1772 гг.). С 1769 по 1774 гг. в Тобольск из разных губерний было отправлено 268 пленных польских конфедератов [10,11,11 об.; 11,44]. Командиру корпуса И.И. Шпрингеру было предписано вновь набранных из Сибири рекрут в полки не включать, а если уже включили – исключить, а отправлять их в Казань. Их место должны были занять пленные поляки [10,14].

О. де Белькур, французский офицер на службе польской конфедерации, попавший в русский плен и сосланный в Сибирь, писал, что сибирский губернатор Д.И. Чичерин придерживался сенатских указов, «предписывавших, чтобы все поляки, высланные в Сибирь, были оставлены на поселение как жители либо должны вступить в военную службу. Губернатор каждого из поляков, не глядя на то, дворянин он или нет, записал в солдаты или в казаки, направлял в окрестные поселения для жительства». И далее: «Несколько дней по городу [Тобольску] ползли слухи, что банды негодяев (имеются в виду пугачевцы – прим. автора) рыскают у границы киргизов и что надо сделать все против них. Собрали тогда всю польскую молодежь, годную для военной службы, и не глядя на дворянство принудили идти в солдаты или в казаки». Большинство пленных поляков попали в казачье сословие или гарнизонные команды, которые также формировались из городских казаков [12,282].

В период Пугачевского восстания в гарнизонной команде Тобольска состояло 390 чел. пленных польских конфедератов, которые использовались в караулах и разъездах. При отправке наиболее надежных воинских команд на Урал поляки оказались практически единственной вооруженной силой в Тобольске. На 22 сентября 1774 г. они запланировали «формальный бунт», т.е. планировали официально объявить о неповиновении. Поводом для бунта послужила весть, что императрица приказала отпустить всех пленных конфедератов в Польшу, в то время как зачисленные в службу на самом деле должны были остаться в Сибири. Зачинщики были схвачены. Пятеро были наказаны, остальные – разосланы по городам без оружия. Однако не все согласились участвовать в бунте. Таковых оказалось 123 человека, которые остались в службе в Тобольском гарнизоне, им было приказано выдать в награду сумму, равную 1/3 жалованья [10,1,3,10 об.,15 об.,34].

Интересно, что в отличие от разоруженных с началом пугачевского восстания башкирцев, у поляков даже после тобольских событий оружие не было отобрано, и они употреблялись в караулы наравне с другими военными чинами [13,60,60 об.; 14,525]. Пленные поляки даже поучаствовали в борьбе с Пугачевским восстанием. В начале 1774 г. в Тобольске по приказу сибирского губернатора Д.И. Чичерина из рекрут, пленных польских конфедератов и казаков Березова и Сургута для борьбы с отрядами Е. Пугачева были сформированы 3 воинские команды в помощь гарнизонам Тюмени, Туринска и Краснослободска. Большинство в этих командах составляли именно поляки [15,171]. По пути эти команды разбили несколько отрядов восставших и освободили ряд селений и заводов [15,121].

Записанные в службу поляки вернулись в Польшу только в 1781 г. Однако те, кто принял православие или женился на сибирячках, так и остались в Сибири [9,15]. По указу от 20 июня 1795 г. значительное число поляков, живших в России, вновь было отправлено

в Сибирь, и хотя Павел I впоследствии разрешил им вернуться, многие остались там навсегда [9,15].

В начале XIX в. тысячи плененных в войне с Наполеоном были также отправлены в Сибирь и записаны в военные чины [9,15]. Свидетельством большой значимости этого источника комплектования сибирских войск является тот факт, что к 1813 г. в Тобольской губернии на военной службе находилось 800 католиков. Следует отметить, что среди католиков-прихожан Сибири доминировали поляки – политические, уголовные ссыльные, добровольные переселенцы [16,97,98].

Другим важным источником комплектования сибирских полков стали ссыльные и крестьяне, совершившие проступки. В XVIII в. у общины было право сдавать вне очереди в рекруты тех, «которые к хлебопашеству и крестьянской работе не рачат». В целом ряде случаев общины пользовались этой возможностью [17,49]. В 1766 г. был издан указ об определении присылаемых в Сибирь на поселение «за предрзости» помещичьих людей в военную службу [8,54]. Таким образом, в рекруты зачастую отдавались люди негодные к другим работам либо провинившиеся перед хозяевами или общиной. Очень часто на поселение или на службу в Сибирь направлялись за какие-либо преступления. По некоторым свидетельствам, в Тобольск ежегодно присылали уголовников, иногда до 2000 чел. [12,253]

В 1764 г. в докладе императрице было предложено комплектовать сибирские полки из беглых, скрывающихся как в Сибири, так и в других районах империи, прежде всего, в Польше, в зачет за рекрут [18,2,2об.]. Возвращенные из Польши беглые должны были быть направлены на комплектование вновь учреждающегося Якутского карабинерного и пехотных Селенгинского и Томского полков [19,17; 18,7; 9,14]. В результате в 1766 г. в Томский пехотный полк прибыло 39 военных арестантов и 1 посельщик. Всего же за январскую треть года прибыло 104 чел., убыло 212 чел., в т.ч. бежало 5 мушкетеров [20,132об.,133]. За этот же период в Усть-Каменогорске в службу было определено 16 душ мужского полу – выведенных из Польши беглых. В Тобольске – 10 чел. [20,134] В 1775 и 1776 гг. «дабы усилить войско определяемы в казаки выпускаемая из острогов на поселение ссылочные невольники» [21,4об.,5]. В докладной записке об организации армии от 1777 г., адресованной Екатерине II, П.А. Румянцев также предлагал направлять в военную службу в Сибирь пойманных беглых, а также вербовать в войска «свободных и ненадлежащих людей» [22,102,104].

Такой способ комплектования сибирских войск обоснованно вызывал опасения правительства в их ненадежности. Тем не менее, в период Пугачевского восстания «солдаты регулярной армии, – как отмечает Дж. Хоскинг, – были совершенно невосприимчивы к призывам Пугачева: им были чужды требования крепостных крестьян, даже в большей степени, чем казаков, они также сдерживались жесткой и всеобъемлющей дисциплиной» [23,113]. Граф Ланжерон, француз, служивший в конце XVIII в. в российской армии, отмечал: «Из-за своей структуры и злоупотреблений, которые в ней господствуют, российская армия должна быть худшей в Европе, но на самом деле она одна из лучших» [23,186].

Что же было причиной такой лояльности? Безусловно, правительство и военное командование пыталось найти механизмы повышения благонадежности солдат. Использовались различные методы: моральные, социальные, экономические. Новобранцу с первых дней объясняли, что он теперь не крестьянин, а солдат и это дает ему много преимуществ в сравнении с прежним существованием [24; 25]. Всячески поощрялись карьерные амбиции: в армиях Елизаветы и Екатерины II можно было относительно легко продвигаться по службе, даже с низших ступеней¹. Большое значение придавалось

¹ Так, в 1760-х гг. капитан Томского пехотного полка Андрей Серебряков был выходцем из крестьянских детей, а капитан Александр Мартышов – из солдатских детей. Выходцами из солдатских детей также были: 38-летний премьер-майор Сибирского драгунского полка Никита Копотов и 47-летний премьер-майор Олонецкого драгунского полка Василий Арбенев (См.: РГВИА. Ф. 490. Оп. 3/214. Д. 83. Л. 138 об., 139 об., 169 об.)

религиозным ритуалам: в крепостях строились церкви, причем не только православные, но и других конфессий. Региональные власти строили там даже мечети и содержали за счет доходов Сибирской губернии мулл [26; 27; 28,199; 29,193].

Однако указанные методы, действенные для значительной части рекрут, безусловно, имели минимальное значение для военнопленных и ссыльных. Важнейшим фактором обеспечения лояльности этих категорий солдат являлось чувство изолированности от остального мира. Ссылка в Сибирь и зачисление в солдаты в то время означали социальную смерть. Новобранец ощущал свою полную изолированность, оторванность от своего привычного мира. Он попадал в совершенно новые и незнакомые ему климатические, географические, социальные и этно-культурные условия.

Не стоит забывать, что в общественном сознании XVIII в. Сибирь не считалась частью собственно России. Она воспринималась как совершенно другой мир. В коллективной работе «Сибирь в составе Российской империи» мы находим следующее описание сцены прощания ссыльных с родиной у пограничного столба «Россия-Азия»: «Некоторые дают волю безудержному горю, другие утешают плачущих, иные становятся на колени, прижимаясь лицом к родной земле, и берут горсть с собой в изгнание, а есть и такие, что припадают к холодному кирпичному столбу со стороны Европы, будто целуя на прощание все то, что она символизирует» [30,24]. В 1720 г. записанным в рекруты для службы в Сибирской губернии (кроме шляхетства) даже разрешалось отдать вместо себя купленного или нанятого ими человека [31].

Это ощущение разрыва с привычным существованием еще более усугублялось изолированностью армейской корпорации от остальной части населения региона. В Сибири, в отличие от большей части России, где все военные были расквартированы в казармах и тем самым изолированы от гражданского населения только к 1903 г. [32,101], значительная часть солдат была размещена в казармах уже в XVIII в. Казармы существовали во всех важнейших сибирских крепостях: Николаевской, Омской, Петропавловской, Ямышевской и др. [33,574,982; 34,19; 14,73] Даже если солдаты размещались в домах обывателей, то они все равно должны были ощущать себя довольно изолированными, т.к. взаимоотношения с местными жителями, недовольными тем, что они должны были содержать солдат в своих жилищах, складывались непросто. И. Вагнер, находившийся в 1759 – 1763 гг. в Мангазее, рассказывает об устройстве Сибирского тракта. Согласно его свидетельствам крестьяне сибирских деревень, командировавшиеся на тракт, терпели частые побои от проходящих команд, но и сами творили бесчинства [35,231,232].

Выжить в этой незнакомой и, в значительной мере, враждебной среде было возможно только в коллективе. И таким коллективом становился полк, а точнее – солдатская артель, заменявшая привычную деревенскую общину. В вышедшей в Лондоне в 1998 г. работе “Russia: People and Empire, 1552 – 1917” отмечается, что именно артель привела к возникновению внутреннего единства и сплоченности среди ее членов. Именно ощущение тесной взаимосвязи между солдатами было ключевым фактором наличия высокого морального духа в российской армии, особенно когда оно сопровождалось хорошим командованием и строгой дисциплиной [23,188]. Если это справедливо для всей российской армии, то еще более справедливо это для сибирских войск.

Таким образом, в связи со спецификой Сибири, военнопленные и ссыльные составляли важный источник комплектования сибирских войск в рассматриваемый период. Большую часть военнопленных составляли польские конфедераты. Такой способ комплектования вызывал серьезные опасения военных и гражданских властей в благонадежности сибирских полков и гарнизонных команд. Тем не менее, благодаря особенностям Сибири и ряду мер, принятых российским правительством, рассматриваемые категории военных чинов сохраняли лояльность по отношению к своим непосредственным командирам. Это проявилось и в период Пугачевского восстания, когда большая часть регулярных чинов российской армии сохранила верность присяге.

Литература

1. Резун Д.Я. Формы осуществления государственного влияния / Д.Я. Резун // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX века: Сб. мат. рег. науч. конф. – Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 2007. – С. 211 – 216.
2. Во имя России: Российское государство, армия и воинское воспитание. – М.: Изд-во «Русь – РКБ», 1999. – 358 с.
3. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 23. Оп. 1/121. Д. 317.
4. Рамбо А. Русская армия в эпоху Семилетней войны / А. Рамбо // Звезда. – 2003. - №3. – С. 149 – 163.
5. Керсновский А.А. История русской армии: 1700 – 1881 / А.А. Керсновский. - Смоленск: Русич, 2004. – 464 с.
6. Оливер М. Армия Наполеона / М. Оливер, Р. Партридж. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2005. – 399 с.
7. Шилов А.И. Привлечение иностранных граждан на военную службу в России / А.И. Шилов // Воен.-истор. журнал. – 2010. – № 4. – С. 31 – 36.
8. Петров В.И. Социально-экономическое положение сибирского казачества в XVIII – первой половине XIX вв.: дисс. к.и.н. / В.И. Петров. – М., 1963. – 267 л.
9. Пилсудский Б. Поляки в Сибири / Б. Пилсудский // Сибирь в истории и культуре польского народа. – М.: Ладомир, 2002. – С. 13 – 30.
10. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 6. Оп. 1. Д. 530.
11. Кучинский А. Ожидания и свершения. Цивилизаторская деятельность поляков в Сибири (XVII – XIX вв.) / А. Кучинский, З. Вуйцик // Сибирь в истории и культуре польского народа. – М.: Ладомир, 2002. – С. 41 – 46.
12. Белькур О. Реляция, или дневник французского офицера на службе польской конфедерации, взятого русскими в плен и отправленного в Сибирь / О. Белькур // Бычков А.А. Российская империя эпохи Романовых / А.А. Бычков. – М.: Белькур Олимп: АСТ: Астрель, 2007. – С. 225 – 331.
13. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 189.
14. Там же. Оп. 2. Д. 18.
15. РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 1236.
16. Речкина И.А. Католическое население Степного края в конце XVIII – 60-х гг. XIX вв. / И.А. Речкина // Актуальные проблемы отечественной истории XVI – начала XX вв.: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Ю.А. Сорокин. – Вып. 3. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. – С. 97 – 104.
17. Миненко Н.А. Роль крестьянской общины в организации сельскохозяйственного производства (по материалам Западной Сибири XVIII – первой половины XIX в.) / Н.А. Миненко // Земледельческое освоение Сибири в конце XVII – начале XX в. (Трудовые традиции крестьянства). – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 40 – 58.
18. РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 193.
19. РГВИА. Ф. 23. Оп. 1/121. Д. 937.
20. Там же. Ф. 490. Оп. 3/214. Д. 83.
21. ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 97.
22. Русская военная мысль, XVIII век: Сб. / Сост. В. Гончаров. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – 408 с.
23. Hosking G. Russia: People and Empire, 1552 – 1917 / G. Hosking. - London: Fontana Press, 1998. – 548 p.
24. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. 16. № 12289.
25. Там же. Т. 17. № 12543.
26. Там же. Т. 22. № 16014;

27. Там же. Т. 26. № 19333;
28. Артыкбаев Ж.О. История Казахстана: Учебник для вузов / Ж.О. Артыкбаев. – Костанай: ТОО «Центрально-Азиатское книжное издательство», 2007. – 320 с.
29. Центральная Азия в составе российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 464 с.
30. Сибирь в составе Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 368 с.
31. ПСЗРИ. Т. 6. № 3669.
32. Величенко С. Численность бюрократии и армии в Российской империи в сравнительной перспективе / С. Величенко // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / Сост. П. Верг, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. – М.: Новое издательство, 2005. – С. 83 – 114.
33. ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 177.
34. Там же. Д. 222.
35. Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. / Э.П. Зиннер. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968 г. – 247 с.